

ВЛАДИМИР Комратов... Нет, мы еще не видели его в крупной роли. Во всех показанных в Свердловске спектаклях Московского театра имени Вл. Маяковского на его долю доставались лишь второстепенные или эпизодические персонажи. И вдруг — дебют, да еще такая глубина: Шекспир, Гамлет!

Естественно, зрители, собравшиеся позавчера на спектакль, настроились по-особому. И вот уже медленно-медленно раскрылись мрачные кованые ворота замка. Придворные дамы склонились в учтивом поклоне. Сейчас он, Гамлет, полный юного негодования, не вбежит, а словно ворвется в зал. Именно так, мы помним, воз-

никает перед зрителями первый по счету молодой Гамлет, появившийся у маяковцев. — Э. Марцевич, ныне с успехом играющий эту роль.

Комратов тоже возник перед нами стремительно (хоть и не бурно!), сделал проход через сцену, скрылся, потом появился вновь... Кажется, темперамент датского принца будет на этот раз заметно иной. Первые слова. Отповедь матери, выражающей недовольство его траурным одеянием. Очевидно, молодой актер сильно волнуется: тщательно проговаривает стихи, но внутреннее состояние принца еще явно не найдено. А в первом монологе («О, если б этот плотный стукот мяса растаял, сгинул,

5 СЧАСТЛИВОГО ПУТИ, ГАМЛЕТ!

изошел росой!») внушает тревогу чрезмерная, тоже еще не подкрепленная «изнутри» аффектация, изображение, а не подлинное выражение бесконечной скорби принца по недавно умершему отцу. Нет, актер все еще не нащупал живого и трепетного нерва образа.

Но что это? Вот блеснула первая, вторая удачно произнесенная фраза, хоть и не возникло еще ощущения гармоничного целого. «Нет, в этом Гамлете что-то есть!» — и вы еще ближе подаетесь к сцене.

А между тем дебютант на глазах набирает силу. И так же, как Гамлет самозабвенно идет сражаться с миром зла, так и актер отважно пускается на приступ все новых и новых высот роли. Еще один штурм увенчался удачей. Еще один!..

Актер отбросил прочь неуверенность и работает в полную силу. Его Гамлет — прекрасный тип человека, словно специально созданного природой для счастья. Пластичность поз, обаяние открытой улыбки, юная энергия, излучаемая всей его ладной фигурой... О, мы верим, что еще совсем недавно этот человек радовал разительным ощущением полноты жизни. Но прежнего мироощущения уже не будет! Путь Гамлета — мщение за убитого отца, возвращение поправленной справедливости. И Гамлет — Комратов вступает в бой, словно бы даже радуясь этой битве, упиваясь стихией борьбы, возможностью испытать свои силы. Любопытна такая трактовка? Бесспорно!

Нам все отчетливее видно: в Гамлете В. Комратова нет свой-

ственной Э. Марцевичу (пожалуй, даже излишней) нервозности, обостренной внутренней ранимости, горького трепета души, впервые столкнувшейся с подлостью и преступлением. Куда в большей степени его ведет к возмездию не темперамент, а четкая и непрекращающаяся работа ума. Мы с интересом следим за каждым новым выпадом его острой мысли. Этому способствует, кстати, хорошо поставленный, звучный, сильный голос молодого актера, четко и бережно доносящего сложный шекспировский текст (качества, сполна проявившиеся уже в заключительном монологе первого акта, в котором принц излагает план мести). А все последующие действия его выглядят как энергичная, больше того — азартная схватка со злом.

И вот он, труднейший и для более опытного исполнителя, второй акт спектакля. «Мышеловка». Сцена с флейтой. Разговор с матерью. Актер проводит их уверенно, точно, красиво. Умело распределяя силы, ведет напряжение по нарастающей. Прекрасная находка — падение Гамлета к ногам Офелии, которую он только что оскорбил, сказавши скабрезность. «О, господи, я попросту скоморох...» Но даже не эти слова, а тот горький порыв, с которым он кинулся к ней, показали нам силу его любви. А как человечен он в рассуждениях о матери, отправляясь на свидание с ней: «Мать звала...» Здесь чувствуется самостоятельность, свое отношение к тексту.

Близится кульминация образа. Актер на подступах к ней в сцене

«Мышеловки». Еще один шаг — сцена с флейтой, в которой принц гордо заявляет о своем человеческом достоинстве и призывает уважать его. И, наконец, вершина взлета, — в спальне у королевы, когда, сравнивая двух королей, — умершего и царствующего, — Гамлет раскрывает свой положительный идеал и гневно бросает узурпатору слова обвинения. Ничтожество. «Вор, своровавший власть и государство». «Король из пестрых тряпок». Так почему же он торжествует, а старый Гамлет мертв? Почему торжествуют неправда и зло?

Многое найдено уже и в последующих сценах: встреча с норвежским войском, беседа с могильщиками, где углубляются, расширяются взгляды принца, где он, кажется, окончательно взрослеет, сталкиваясь с жизнью как она есть.

И вот отшумели аплодисменты. Смолкли споры и разговоры о виденном. Итог? Думается, он положительный. Новый Гамлет, без сомнения, удался. Конечно, работы над образом еще непочатый край. Впереди — вдумчивое постижение новых и новых философских глубин трагедии, уточнение психологических и логических мотивировок могучей гамлетовской мысли, душевных движений, поступков. «Вельможей, бойцом, ученым», «гордым умом» называет его Офелия. Сколько еще работы по постижению и воплощению этих, пока неравноценно удавшихся черт...

В добрый же путь, новый Гамлет!
Ю. МАТАФОНОВА.

На снимке: Гамлет — арт. В. Комратов.
Снимок Н. Романова.

Зам. редактора
И. С. БРОДСКИЙ.